

КАЛЕНДАРЬ

«ЛГ»

К 90-летию со дня рождения Анны КАРАВАЕВОЙ

ПЕРЕЖИТОЕ

Летом 1968 года, отдыхая в Барвихе, Анна Караваева и Константин Федин неоднократно встречались и разговаривали. Однако о главном — о творческих планах, о многолетней работе над романом «Заря и ветер» — Анна Александровна заговорить не решилась. Об этом она пообещала рассказать в обстоятельном письме. Вскоре это, по словам К. Федина, «накрепчайше обещанное большое письмо» было написано.

рея» всегда со мной. И я рассказала кое о ком из тех замечательных ребят. То были: «Конник» и «Наш артиллерист». А в конце оживленной беседы, узнав, что у меня сохранились и другие записи тех лет, молодые учителя стали решительно советовать: обязательно все разыскать, и тогда «наверняка получится целая книжка»... И я, ободренная этим дружеским пожеланием, разыскала и другие записи тех лет: «Федя Морской», «Натя — рыбацкая невеста»... И наконец в нынешнем году я обнаружила в своем архиве еще четыре «воспоминательные» записи: «Военком вернулся с фронта», «Арсений из трудбатальона», «Хорьковская шуба» и «Драма в совпартишколе»... Эту небольшую книжку надеюсь сдать в ближайшее время.

И, наконец, «на выходе» в издательстве «Московский рабочий» моя третья книга воспоминаний, «Звездная столица», посвященная Москве. Эта книга воспоминаний и лирических размышлений о Москве создавалась неторопливо, в течение тридцати лет. Начавшись с первых лет социалистической реконструкции Москвы, книга завершается вечером 9 мая 1945 года...

В грозные сороковые годы все мы, писатели, вступили в новую, необычную полосу творческого бытия. В первые же месяцы войны я выбрала себе работу: с 3.X 1941 года по 1943 год я была корреспондентом «Правды» на оборонных заводах Свердловской области. Те годы для меня — это неослабное сопереживание всей моей творческой и человеческой жизни с безбрежным бытием народа, нашего рабочего класса. На основе того обширного материала и написана трилогия «Родина», охватывающая годы Великой Отечественной войны и первые восстановительные годы, — кстати, это единственная трилогия о рабочем классе тех грозных лет.

После всего виденного и пережитого в годы Великой Отечественной войны я начала большую книгу воспоминаний, название которой как-то сразу определилось: «От начала нашего века». Картины прошлого, со дней детства, юности и далее, будто птицы из гнезда в солнечный день, так и устремились мне навстречу. Уже было написано несколько глав, когда у меня вдруг появилось сомнение: а не стремлюсь ли к «легкой жизни», как иногда говорят у нас: «Вот такой-то живет за счет «накопений» прошлого,

которые ему (ничего не стоят) и т. д. ...

Когда в дни горьковского столетия меня спросили в «Правде», не найдется ли у меня воспоминаний о Горьком, я тут же дала один отрывок из воспоминаний моей юности, связанный с горьковской драматургией... Но все-таки что-то из услышанных мной разговоров продолжало мне мешать и расхолаживать...

Вот все эти размышления снова пронеслись у меня в памяти, когда Вы, Константин Александрович, заговорили о значении воспоминаний современников великого ленинского века. И как это было ясно и хорошо сказано: мысли, проверенные большим творческим и жизненным опытом, но высказанные непринужденно, как раздумье вслух, на меня, например, производят всегда свежее и ободряющее впечатление. Действительно, ведь только мы, старшее поколение советских писателей, видели всю нашу эпоху с первых дней нашего великого ленинского века. В той интеллигентской среде, где проходили мое детство и юность, в познание нами тревожной действительности щедро и взволнованно входила не только наша классическая русская литература, но и современная — стоит назвать только одно имя: Александр Блок! Наше поколение видело события трех войн, то есть их отражение и отзвуки в народной жизни. Три поколения, три революции, потрясение всех старых основ русской жизни и многогранное свершение, создавшее нашу величайшую в истории, нашу социалистическую советскую державу, — кто об этом больше знает, чем мы, кто живым, образным словом взволнованно передаст эти картины? Прежде всего — наше старшее поколение, самое богатое свидетельствами творческой у нас на глазах истории целых десятилетий. Мы безгранично богаты всем виденным, испытанным и осознанным за целых полвека — и, как один из многих летописцев, я сейчас вновь и уже все глубже и просторнее чувствую материал воспоминаний «От начала нашего века».

...Но «Зарю» я не оставляю в покое, я ее вновь перечитала и сделала неожиданное открытие. Есть в романе большая глава, которая называется

«Два года». Эта глава представляет собой переписку прапорщика Григория Михалева с его женой Таней, курсисткой бестужевкой. Как и было в жизни, Григорий Михалев был направлен после окончания Константиновского артиллерийского училища сразу на фронт. Глава «Два года» — это не просто переписка разлученных — мужа и жены, а своеобразная переписка фронта и тыла... Особенно глубоко отражаются в этой переписке события весны и лета 1917 года. И есть в них свой неповторимый свет... Прапорщика Михалева (как это было в жизни) артиллерийское фронтовое начальство послало в Петроград с важным поручением — похлопотать об увеличении снабжения фронта оружием. Приехав в Петроград поздно вечером и выйдя на крыльцо Николаевского вокзала, прапорщик сразу увидел шествие с факелами. Что случилось?

— Идем на Финляндский вокзал встречать Ленина! — отвечают ему.

Так сразу, с ходу прапорщик с денщиком двинулся вместе с колонной на встречу с Лениным, о ком все слышнее говорили солдатские массы... Прапорщик взволнованно описывает незабываемые картины этого великого исторического события, раскрывает в себе новые мысли и все расширяющееся поле нового исторического зрения, захватывая этим воображение и чувства своей жены...

Творческий план мой на эти ближайшие годы к великой дате ленинского столетия несколько увеличивается за счет уже более активного продолжения воспоминаний «От начала нашего века» и выдвигается из «Зари» повести в письмах «Два года»...

Хватило бы мне моего жизненного времени!

Сердечно желаю Вам здоровья, счастья, вдохновения!

Анна КАРАВАЕВА

Константин Александрович отозвался письмом, которое заканчивалось так:

«По-моему, рассказывая в такой полноте о своих обширных планах работы, Вы нечаянно установили их твердый распорядок — очередь трудов. И первым пунктом поставили свою повесть в письмах. Так уж если позволите посоветовать: быть по сему...»

И будьте здоровы, счастливы в трудах, удачливы везде, где Вам захочется встретить удачу.

Ваш Konst. ФЕДИН».

Подготовка текста
и публикация
Татьяны
КАРАВАЕВОЙ

16.IX.1968 г.
Дорогой Константин Александрович!

...Несколько раз роман «Заря и ветер» уже упоминался в печати как главная моя работа последних лет... Но роман еще далеко не закончен. За десять лет работы над этим романом я, несколько раз отвлекаясь от него, написала три книги воспоминаний. Первая книга «Свет вчерашний» содержит в себе восемь портретов: П. П. Бажов, Матэ Залка, А. С. Серафимович, Александр Фадеев, Янка Купала, Борис Левин, Юрий Либединский, и только одно из этих воспоминаний — о Николае Островском — написано в конце декабря 1936 года...

А в 1961—1962 гг. в журнале «Октябрь» тоже появился небольшой цикл воспоминаний, среди которых особенно дорого мне воспоминание о чудесной встрече летом 1936 года с Марией Павловной Чеховой на чеховской даче в Аутке («Неповторимый кипарис»).

В том же 1957 году, когда я начала работать над романом «Заря и ветер», довелось мне провести очень славную встречу в одной московской школе. Учителя старших классов где-то прочли, что в 20-е годы я работала в совпартишколе, которая в прочитанной учителями статье была названа «Передний край народного образования» тех давних лет. Учителей заинтересовало, почему так полчеркнуто было сказано об этом типе учебного заведения для взрослых, которое просуществовало до тридцатых годов. Я ответила, что прежде всего само создание совпартишколы еще в годы гражданской войны показывало высокую и благородную заботу Советского государства о народном образовании и о новых кадрах социалистического строительства. И как смело и глубоко было это задумано и выполнено!.. Надо было разумно отобрать из тысяч красноармейцев тех молодых наших воинов, которые уже обладали известным уровнем общеобразовательных знаний и желанием учиться. Командиры Красной Армии, имеющие законченное высшее образование (главным образом педагогического назначения — филологи, историки, математики и т. д.), были тоже по военному срочно найдены, и в числе их военком Г. М. Караваев. Дипломант первой степени, окончивший с отличием физико-математический факультет Петроградского университета весной 1915 года, он был немедленно мобилизован в артиллерию. Через год, закончив Константиновское артиллерийское училище в Петрограде, был отправлен на Юго-Западный фронт, воевал до 1918 года, а в 1919-м добровольцем вступил в Красную Армию... В конце лета 1920 года вначале, как и другие, был направлен из армии на Алтай в качестве одного из организаторов и руководителей совсем новой внешней (политпросветской), как тогда называли, ускоренной системы среднего образования для взрослых...

Естественно, комсомольцы второй половины пятидесятых годов стали расспрашивать о тех первых боевых ребятах из 1918-го и начала 20-х годов нашего века: что это были за люди, что за характеры? Что ж, сказала я, моя «портретная галерея» всегда со мной.